

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ

КНИГА ПЕРВАЯ
Гамбит Бубновой Дамы

Одиссей покидает Итаку

Василий Звягинцев

Гамбит Бубновой Дамы

«Звягинцев Станислав»

1978

Звягинцев В. Д.

Гамбит Бубновой Дамы / В. Д. Звягинцев — «Звягинцев
Станислав», 1978 — (Одиссей покидает Итаку)

ISBN 5-699-11768-7

Эта книга вошла в «золотой фонд» русской фантастики. Это – классика жанра «альтернативной истории»..Это – первая масштабная попытка переиграть начало Отечественной войны, отменив катастрофу 1941 года, "перевести стрелку истории", переписать кровавый черновик советского прошлого набело. И так, «блицкрига» не получилось. 22 июня 1941 года Красная Армия ожидала нападения, и немецкие танковые клинья увязли в хорошо подготовленной обороне. Изматывая Вермахт в затяжных оборонительных боях, советские войска организованно отошли к старой границе, где и остановили противника...

ISBN 5-699-11768-7

© Звягинцев В. Д., 1978

© Звягинцев Станислав, 1978

Содержание

Пролог	5
Глава 1	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Василий Звягинцев

Гамбит бубновой дамы

Пролог

На далеком берегу

В пространстве все происходит беззвучно. Соприкасаются ли кристаллики льда в хвосте кометы, или взрывается звезда. Вполне возможно, что и в этом выражается рациональность природы, ее нежелание тратиться на ненужные эффекты там, где их некому оценить. И действительно – кто мог бы наблюдать, как в одном из секторов Дальнего космоса, бог знает в скольких сотнях или тысячах парсек от обжитых и освоенных мест, вдруг материализовался подпространственный звездный крейсер типа «Кондотьер-VII» – огромный, зеркально-блестящий, полыхающий фиолетовыми импульсами генераторов, – появился в реальном пространстве, гася околосветовую скорость до планетарной, и начал вдруг изгибаться по всем осям, деформироваться и искажаться, как искажаются очертания дальних предметов в жарком мареве пустыни. Затем – через миг непредставимо короткий (или настолько же длинный – на границе подпространственных туннелей время теряет размерность и знак) крейсер исчез, растаял, растворился, после него осталось только невообразимой яркости бесшумное лиловое пламя. А потом – совсем уже ничего.

...Три человека в штурманской рубке крейсера – путевая вахта – вдруг ощутили легкую дрожь палубы. Дрожь мелкую, едва уловимую, возникшую где-то далеко в корме, но от которой внезапно и остро заныли зубы. Штурман вскинул голову на приборы, но не успел ничего увидеть и оценить. Потому что второй, теперь уже катастрофически мощной, ударной волной корабль скрутило судорогой деформации, разрывая уши пронзительным до тошноты скрежетом рвущегося металла и грохотом ломающегося пластика.

И все!

Люди так и не успели ничего понять и почувствовать. Катастрофы в космосе если происходят, то происходят быстро.

Среагировали автоматы. Совсем ненадолго, на тысячную долю секунды опередив ту вспышку, что превратила в плазму огромный, по человеческим меркам, корабль. Ходовая рубка, вынесенная на восемьсот метров вперед от главного ствола и на три километра от маршевых генераторов, имела автономный псевдомозг, и сигнал крайней опасности поступил в нее прежде, чем испарились волноводы.

Закрученные в тугие силовые коконы спасательных капсул тела трех космонавтов отделились от крейсера, уже начавшего превращаться в излучение, и, изолированные от времени и пространства, полностью подчинились всему, что предусматривала включившаяся аварийная программа. Остальные двадцать два члена экипажа разделили судьбу своего корабля.

Спасательные средства – вещь, безусловно, полезная. Беда лишь в том, что иногда они вместо смерти легкой и незаметной предлагают конец долгий и мучительный. Как в свое время, например, надувной жилет в полярных водах. Через триста лет в этом смысле мало что изменилось. Хотя виноваты, конечно, не средства, а всегда и только – не соответствующие средствам обстоятельства.

Три человека стояли на пологой, уходящей вдаль и вниз равнине. У дальнего горизонта стеной чернел лес, будто размашисто нарисованный тушью по серой бумаге, ближе по склону

беспорядочно росли одинокие неохватные сосны, с низкого рыхлого неба бесшумно падал медленный снег, задерживая сумрачный пейзаж прозрачной, колеблющейся завесой. Трудно представить и еще труднее передать ощущения людей, только что, сию минуту, сидевших в удобных креслах, в уютной и привычной тишине ходовой рубки могучего звездолета, не успевших ничего подумать, осознать, просто испугаться, наконец, – и вдруг выброшенных на унылую серую равнину, где косо летит пушистый снег, мертво шуршит промерзшая трава на голых подветренных склонах и вместо теплого ароматизированного воздуха из климатизаторов легкие обжигает сухой морозный ветер.

Возможно, это похоже на то, что может чувствовать человек, вдруг выпавший холодной ночью за борт круизного лайнера и еще не успевший поверить, что все кончено, что в ночи, сияющая огнями, тает и исчезает твоя жизнь, твоя судьба... Ведь все случилось так быстро, так внезапно, что кажется – это не всерьез, это так только... Одно усилие воли, сильное-сильное желание, и все можно вернуть, сделать как было...

Но это только иллюзия – последняя и недолгая. За ней – пронзительная ясность, отчаяние и – конец. Причем на твердой земле этот процесс продолжается дольше и мучительнее, чем в море.

...Три человека стояли посреди снежной равнины: двое мужчин – штурман и кибернетик и женщина – экзобиолог. Нормальная ходовая вахта, только женщина была здесь лишняя. Ей полагалось спать в своей каюте, как и всему остальному экипажу, а она вместо этого в свободное время стажировалась в космонавигации. Как оказалось, для того лишь, чтобы в последние часы случайно продлившейся жизни увидеть наяву пейзаж, который свел бы с ума всех экзобиологов системы во главе с их могучим мэтром, академиком Арпадом Харгитаи.

Но наяву ли? В десятках световых лет от Земли – землеподобная планета...

– Что это было? – с удивлением выговорил штурман, как принято спрашивать: «Где я?» – после глубокого обморока.

– Я даже не успел повернуться к пульту, – ответил кибернетик. – Вибрация, удар – и все!

– Но планета! Откуда здесь планета? До выхода из туннеля оставалось еще триста с лишним часов.

– Похоже, вы просчитались где-то, навигаторы... Туннель деформировался под воздействием неучтенных полей тяготения, и на искривлении нас размолотило. Не думал я, что и при этом можно уцелеть...

Кибернетик был намного старше остальных, больше чем полжизни провел в глубоком космосе, давно готов был ко всякому, к смерти тоже, и единственное, на что он всегда надеялся, – что судьба подарит ему какое-то время, чтобы успеть умереть осознанно. Он ненавидел мысль о внезапной смерти, может быть, именно за то, что обычно такую она и была для тех, кто умирал в Пространстве. Человек должен успеть понять, что умирает, и подготовиться к этому, считал он.

И вот, похоже, что судьба дала ему эту возможность. Кибернетик прислушался к себе и отметил, что действительно доволен, если здесь уместно это слово, значит, раньше он не рисовался и не кривил душой. Каждый, кто родился, должен умереть. Это неприятно, но необходимо. Дело лишь в сроках. Он думал так всегда и сейчас – так же.

А штурману умирать не хотелось до спазмов в желудке. Но его мнение, похоже, судьбой в расчет не принималось.

– Не было здесь никаких искривлений. И звезд не было, и планет! – со злостью выкрикнул он, хотя на кого ему было злиться?

– Значит, мы вышли не там, где считали, – сказал кибернетик. И поежился. – Здесь здорово холодно.

Экзобиолог была так молода, что о возможной смерти просто не задумывалась. Главным для нее оказался шок от крушения теории, в которую она верила с излишней, но понятной страстью. И крикнув: «Я сейчас!» – побежала к ближайшему дереву, чтобы убедиться, что это никакая не сосна, а лишь ее конформный аналог.

– Девочку жаль... – сказал кибернетик. – Хорошо бы огонь разжечь... – Но в карманах у него было совершенно пусто.

– Вон там, слева, какие-то скалы, – показал штурман движением головы. – Пойдем туда, вдруг пещеру найдем...

– И что? Замерзнем на два часа позже?

– Но не стоять же посреди поля?

– Верно, конечно. Пойдем. Смотри, девочка что-то нашла...

Экзобиолог вернулась, держа в руках сосновую шишку, и, хотя лицо у нее уже горело от мороза, а тело начинала бить дрожь, она все еще не могла переключиться.

– Это же невероятно! Абсолютно земная сосна. А Харгитаи говорил, что геоморфизм невозможен в принципе...

– Я боюсь, что он так и останется при своем заблуждении, – мрачно сострил штурман, и только сейчас девушка начала осознавать истинное положение вещей.

...Тесно прижавшись друг к другу, они сидели на обнаженном корне дерева. Так казалось чуть-чуть теплее, тем более что толстый ствол и угол скалы прикрывали их от усилившегося, ставшего совершенно пронзительным ветра. Мягкий стереосинтетик, отличный материал для рабочего костюма – легкий, немнущийся и самоочищающийся, от здешней погоды защищал немного лучше, чем нарисованный зонтик от реального дождя.

– Ничего... – выговорил непослушными губами кибернетик. – Я думал, что еще немного – и станет теплее. Вообще, когда-то считалось, что замерзнуть – самая приятная смерть.

Штурман молчал, стараясь как можно теснее прижать к себе девушку, заслонить ее от ветра и хоть немного согреть. Сомнительное, если подумать, благодеяние – позволить ей замерзнуть последней.

Снег летел все так же монотонно и тихо. И в других условиях этот дикий пейзаж, и сумрачное небо, и далекий темный лес показались бы, несомненно, красивыми. Но не сейчас. Сейчас это больше походило на изощренную насмешку судьбы. Спаситься от внезапной и неминуемой гибели, выпавшей остальным их товарищам, оказаться на кислородной планете с биосферой, какой не находила еще ни одна экспедиция за всю историю межзвездных полетов, и к тому же планете, так похожей на Землю, и только для того, чтобы последние минуты жизни были отравлены ненужными, терзающими душу мыслями.

Кибернетик хотел осознанной смерти. Для чего? Чтобы подвести итоги, уйти с ощущением, что жизнь прожита по правилам. Правильная жизнь и достойная смерть. Но отчего же сейчас, когда он все обдумал и приготовился, в душе ничего, кроме острой обиды на нелепость происходящего?

Штурман, у которого мысли уже путались от холода, тоже никак не мог поверить, что это – конец. Привыкшему, что все в жизни зависит от воли человека, ему казалось диким собственное бессилие. Ты жив еще, не ранен и не болен, полон сил – и не в силах ничего сделать и изменить. Можно пройти еще километр или десять, через снег и мороз, но итог будет тот же.

Девушке было просто очень холодно и страшно. Ног и рук она уже не чувствовала, и ледяная волна стояла возле самого сердца. И именно ее обостренные отчаянным желанием выжить чувства уловили что-то вдруг изменившееся в обстановке, новый, выпадающий из общего фона звук.

– Слышите? Что это?

Кибернетик вскинул голову, приподнялся, сбрасывая густо облепивший спину и плечи снег.

Действительно – глухую тишину нарушил протяжный шорох или, скорее, шелестящий свист. По длинному пологому склону, вдоль которого они долго шли, пока не потеряли последнюю надежду, сейчас быстро перемещалась какая-то темная точка, на глазах увеличивалась, приобретаемая размерность, и вдруг сразу, скачком превратилась в отчетливый контур.

– Человек... – срывающимся шепотом сказала девушка и встала. Они с кибернетиком не отрываясь смотрели на приближавшуюся фигуру. Только штурман по-прежнему сидел, прикрыв глаза. Ему как раз сейчас стало все равно, холод наконец исчез, и хотя он еще слышал слова, но уже не улавливал их смысла.

– Абориген... – тоже шепотом подтвердил кибернетик. Отчаянная надежда захлестнула сознание, но трезвая привычка исходить из худшего тут же остерегла: – А если он сейчас подьедет и – каменным топором по голове?

Чем этот вариант в конце концов будет хуже, он решить не успел. Человек – действительно человек, весь в мехах и коже, заросший светло-русой бородой, резко затормозил с поворотом, взметнув веер снега, и остановился в пяти шагах, опираясь на блестящие, явно металлические палки.

С полминуты они молча смотрели друг на друга. Потом абориген улыбнулся совершенно по-человечески и, странно растягивая слова, с непривычными интонациями, но все равно понятно произнес низким хриловатым голосом:

– Если не ошибаюсь, земляки? В смысле – земляне? По-русски понимаете?

Это было дико, нелепо, невозможно, более чем невероятно, но – было! Туземец вполне отчетливо говорил на русском, хотя и очень архаичном языке.

– Да... Земляне... Понимаем... – растерянно ответил кибернетик, и абориген вдруг раскатисто захохотал, тут же оказался рядом, ударил его по плечу тяжелой ладонью. Как-то очень быстро сбросил свое одеяние, закутал в него девушку, рывком поставил на ноги штурмана, встряхнул его так, что тот открыл наконец непонимающие, отсутствующие глаза.

Потом в руке аборигена появился инструмент, визуально малознакомый звездолетчикам, но оказавшийся не секирой или там каким-нибудь бердышом, а именно топором. Двумя ударами туземец свалил ближайшую молодую сосенку, искрошил ствол на полуметровые куски, которые еще и рассек вдоль стремительными точными взмахами сверкающего металла, особым образом сложил, с помощью уже совсем забытого механизма добыл огонь, и через минуту на снегу пылал жаркий костер, снег под ним шипел и таял, и волнами разливалось вокруг мучительно приятное тепло.

– Ну, ребята, вы даете!.. – шумел своим зычным голосом туземец, подбрасывая в огонь поленья. – Замерзать устроились, это надо же... Непротивленцы, так сказать, слепая покорность судьбе... А если бы я ваши следы не заметил, так и отдали бы концы рядом с жильем?

– Это что? Бред? – спросил штурман кибернетика.

– Какой там бред! – ответил тот, уже свыкнувшись с мыслью, что смерть откладывается. – Это, скорее, штурманские фокусы! Похоже, вы загнали корабль в петлю обратного времени...

– И откуда вы, земляки, свалились? – не умолкал спаситель. – Я так понимаю, что никакой корабль здесь не садился, да и не похожи вы на нормальных путешественников. «Клуб самоубийц» какой-то, если Стивенсона вспомнить. Или его же «Потерпевшие кораблекрушение». Только каким образом вы его потерпеть могли, это мне пока не понять, надеюсь – разьясните...

Кибернетик с трудом улавливал смысл его речи, потому что многих слов он вообще не понимал, а другие хоть и звучали знакомо, но туземец вкладывал в них какое-то иное значение. Словно говорил он не на русском, а на неведомом, хоть и славянском, языке.

– Ну как, отогрелись? – сменил тему туземец. – Или все никак в себя не придете? Тогда могу протившоковое предложить... – и протянул обтянутую грубой серой тканью флягу с резьбовой зеленой крышкой на короткой цепочке.

Кибернетик машинально взял посудину и поднес к губам, но в нос ударил отвратительный спиртовой запах.

– Не привыкли, что ли? Не употребляете? Оно, конечно, на морозе не рекомендуется, но в рассуждении нервной системы – можно. Способствует. Особенно – взамен безвременной кончины...

Но кибернетик вернул флягу.

– Нет, не надо. Скажите, наконец, кто вы и откуда появились здесь? Это разве Земля?

– Что вы! Какая может быть Земля? Это гораздо дальше. А вот вы, вы сами какими судьбами здесь?

– Звездная экспедиция... Корабль «Кальмар»... Взрыв двигателя... – все еще непослушными губами выговорил штурман, взял из рук спасителя сосуд и решительно глотнул. Горло и рот ему опалило огнем, он задохнулся, но глотнул еще и еще.

– Хорош, хорош, хватит... – Абориген отнял у него флягу. – Глотку опалишь. Давай вот, снегом закуси... А век у вас какой, ребята?

– Двадцать третий век, планета Земля, отряд дальней галактической разведки, крейсер «Кальмар», – давясь снегом, отрапортовал штурман. Ему стало вдруг тепло и спокойно.

– Так. Вполне увлекательно, – медленно сказал спаситель.

Кибернетик, кажется, понял, почему таким странным показался ему русский язык этого загадочного человека. В такой манере – замедленно, вычурно, со многими словами и оборотами, смысл которых отличался от обычных значений, писали и, очевидно, говорили очень-очень давно, лет, может быть, пятьсот назад. И девушка это тоже поняла или просто ощутила интуитивно. Своими ярко-голубыми глазами она посмотрела в глаза их спасителя.

– А вы сами откуда?

– Конечно, с Земли. Я как раз с Земли. Но немного раньше. Двадцатый век. Слышали о таком?

...Он заставил их бегом пробежать весь путь, и это оказалось совсем не рядом, как он говорил, тем более что бежать пришлось не напрямик, а выбирать дорогу по гребням холмов и водоразделам, где почти не было снега.

Андрей Новиков – так звали этого человека – отдал им всю свою верхнюю одежду: и меховую парку, и легкую кожаную куртку, и свитер, но сам словно не ощущал мороза в тонкой трикотажной рубашке в бело-синюю поперечную полоску. Он то бежал на своих лыжах впереди, выбирая дорогу, то пропускал космонавтов вперед, а сам останавливался и осматривал окрестности в бинокль. При этом он почти все время держал в левой руке массивное огнестрельное устройство – винтовку, хотя у нее имелся ремень для ношения через плечо. Кибернетик отметил это и с тревогой подумал, что не очень, видимо, спокойное место эта планета, сестра Земли.

Хоть дорога оказалась и длинной, и трудной, она все же закончилась. Впереди обозначилась на крутом холме высокая деревянная ограда, массивные ворота, окованные широкими железными полосами, над ними – решетчатая башня с шелестящим трехлопастным винтом, очевидно, ветросиловая установка.

Через узкую калитку они вошли внутрь ограды и увидели обширный двор, двухэтажный бревенчатый дом с застекленной верандой и резным крыльцом. Огромные мохнатые собаки выкатились откуда-то с гулким радостным лаем, стали бросаться тяжелыми лапами на плечи, пытаясь лизнуть в лицо влажными красными языками и Андрея, и его гостей. Потом за ними захлопнулась массивная, как крышка реакторного отсека, дверь, и космонавты, ощутив сухое, устойчивое тепло, поняли, что они дома.

Вот в чем, оказывается, истинное счастье – иметь надежный, прочный дом, чтобы было где укрыться от холодов, опасностей и тревог внешнего мира, и чем неуютнее, злее погода за стенами, тем он дороже, твой дом, твое убежище и защита.

На какое-то время звездоплыватели – не забыли, нет, но – отстранились от всего, что произошло за короткие и такие невыносимо долгие часы: гибель корабля и гибель товарищей, ожидание собственной смерти... Мозг и душа просто не могли вместить и пережить сразу так много, и сейчас космонавты испытывали лишь обычное человеческое облегчение, что для них все закончилось благополучно, наслаждались теплом и вдруг пришедшим покоем. А настоящая боль и скорбь по исчезнувшим друзьям придут позже.

Мужчины молча сидели у камина и не отрываясь смотрели на огонь, совсем слабый, догорающий, лишь кое-где пробивающийся из-под толстого слоя золы и пепла, и только девушка с любопытством осматривала обширный зал, в котором они оказались. Как это удивительно – не в музее за толстыми спектрогласовыми витринами, а наяву, в живой реальности видеть такие редкости: старинное оружие, стоящее в открытых деревянных шкафах и развешанное по стенам, толстые бумажные книги на полках, черно-белые двухмерные фотопейзажи на блестящих листах картона, восковые свечи в фигурных подставках из черного и желтого металлов. И запахи – настоящего живого дерева, смолы, ружейной смазки, каких-то растений и еще чего-то незнакомого, но необыкновенно волнующего своей непонятностью и причастностью к давно ушедшей жизни. Затянутые морозным утром оконные стекла, шкуры животных на полу, тяжелая деревянная мебель... В музеях и гипновизорах все это воспринимается совсем иначе, оттого, наверное, что выключено из потока подлинной жизни, утратило свои функции, слишком стилизовано. А здесь старину видишь вблизи, можешь коснуться рукой, уловить самые тонкие запахи... Запахи ушедших веков особенно волновали. Она остановилась перед зеркалом в резной золоченой раме, присмотрелась. Там, в зазеркалье, молодая и, без жеманства нужно признать, красивая девушка показалась ей в таком изысканном интерьере тоже новой, неузнаваемой, не от мира сего...

В глубине зеркала раскрылась широкая дверь, и в холл вошел их спаситель, туземец Андрей Новиков. Девушка смотрела на него с изумлением и непонятной ей самой радостью. Теперь он выглядел совсем иначе, вполне цивилизованно, даже элегантно: борода и усы подстрижены, волосы аккуратно причесаны, одет просто – узкие синие брюки, отстроченные цветной ниткой, желтовато-зеленая рубашка с открытым воротом, хотя и отличающиеся по покрою от того, что носили ее современники, но тем не менее не делающие его похожим на персонажей исторических фильмов.

Быстрыми пружинистыми шагами он пересек холл, сел рядом с космонавтами, но и чуть в отдалении, подбросил дров в камин, отчего в нем сразу заиграло яркое пламя, взял с каминной полки длинную прямую трубку, зажег ее от мерцающей головни, окутался облаком сизого, сладко пахнущего дыма, и, только проделав эти разнообразные, но настолько вытекающие друг из друга операции, что казались они одной фигурой сложного ритуального действия, – только после этого Новиков откинулся на спинку кресла и широко улыбнулся:

– Итак, дорогие гости и потомки, позвольте теперь уже официально поздравить вас с прибытием на планету Валгалла, форт Росс, где я имею честь и одновременно удовольствие вас принимать. Эрго – прошу чувствовать себя и держаться, как дома у мамы. Я вам уже представлялся, теперь хотел бы знать и ваши имена, а также и подробности о печальных обстоятельствах, сделавших нашу встречу возможной...

Его речь, половина слов в которой опять была непонятна, да еще и произнесенная в быстром темпе, вызвала у гостей некоторое замешательство. Кибернетик, уловив основное и пока игнорируя нюансы, указал на девушку – «Альба Нильсен», назвал себя – «Борис Корнеев», а штурман представился сам – «Герард Айер».

– Отлично, – еще раз улыбнулся Новиков. – Программа «Интеркосмос» по-прежнему в действии. Вы – капитан, уважаемый соотечественник?

– Нет, наш капитан погиб вместе с кораблем и остальным экипажем.

И Корнеев вкратце, подбирая слова того ряда, который наверняка должен был быть понятен Новикову, обрисовал ситуацию.

Помолчали. Потом Новиков нарушил тишину:

– Примите искренние соболезнования. Вечная память, как говорится... Но – живым надо жить. Вы понимаете, что я сгораю от нетерпения узнать, как вы там у себя теперь живете, послушать, что новенького на свете, здесь-то у нас – глушь, и вообще... Однако как ни сильно у меня желание поговорить со свежими людьми, все должно быть по протоколу. А он гласит, что соловья баснями не кормят. Поэтому подчинимся неизбежному. Не знаю, в моде ли у вас стиль ретро, но другого предложить все равно не могу. И выдам вам его по полной программе. Даму мы эксплуатировать, разумеется, не будем, а товарищей мужчин прошу мне помочь. Для скорости. Сначала у нас будет легкий ужин, а там... сами увидите.

Длинный дубовый стол в холле Новиков застелил белой и блестящей льняной скатертью, накрахмаленной до металлической жесткости, устали ее серебряными, стеклянными, фарфоровыми и глиняными стаканами, бокалами, чарками. Тарелками, салатницами, соусницами, братинами и многими другими предметами сервировки праздничного стола времен чуть ли не феодальных, причем подробно называл их и комментировал назначение каждого появляющегося прибора. Потом он повел мужчин на кухню, а Альба осталась на время одна. Она даже обрадовалась этому, потому что вдруг поймала себя на странной и неожиданной мысли, что Новиков – человек, умерший за два века до ее рождения, давно распавшийся на атомы под своей могильной плитой и тем не менее живой, – показался ей гораздо более интересным как личность (и как мужчина тоже), чем многие ее знакомые и по Земле, и по кораблю.

«Впрочем, почему же умерший? – подумала она. – Раз он сейчас здесь, с нами? Он жив, и мы живы, и живем в одном времени, а его ровесники и современники, что лежат (лежали?) в могилах на Земле, чьи памятники она видела, иногда бывая на старых кладбищах, – какое они имеют отношение к этому? А ее интерес к нему – не вызван ли он просто-напросто тем, что уже больше года она не видела ни одного нового человека? Или дело совсем в другом?»

Мужчины возвратились из кухни с подносами, и на столе стали появляться тарелки и блюда с тонко нарезанными пластинками розового сала, ветчиной, колбасами разных сортов, маринованными угрями, шпротами, трепангами, мидиями со специями, всякого рода сырами, в глубоких мисках атели соленые помидоры, переложенные чесноком и брусничным листом, влажно поблескивали зеленые пупырчатые соленые огурчики вперемешку со стручками горького перца, еще там была икра, черная и красная, нежный балык, креветки и крабы, а в завершение появился круглый ржаной хлеб, распространяющий умопомрачительный запах, и блюдо с горой золотистых, истекающих жиром, зажаренных целиком маленьких птиц.

Альба смотрела на это великолепие, это буйство и разгул красок и запахов с изумлением и чуть ли не страхом, а Новиков – возбужденный, какой-то яростно-веселый, – завершая сервировку, выставил на стол цилиндрические, круглые, квадратные и витые посудины с плещущимися в них неведомыми напитками. На этикетках девушка видела золотые медали, цветные ленты, гербы, рыцарские щиты, геральдических львов, орлов и единорогов, читала выведенные причудливыми русскими и латинскими буквами названия: «Боржоми», «Малага», «Камю», «Фанта», «Чинзано», «Пепси», «Клико», «Московский квас».

Все это не могло восприниматься иначе, как сон, посетивший космонавтов после сотен дней питания корабельной синтетикой, не поддающейся никакой густивации. Да и на Земле редко кому приходилось видеть подобный стол...

– Ну что, братцы, прошу! Чем богаты... На скорую руку, конечно, но думаю – понравится. Все – высшего качества. Из собственных запасов. Как известная Елена Молоховец писала в своей кулинарной книге: «Если к вам пришли гости, а у вас ничего нет, пошлите человека в погреб...» Ну и так далее.

Оказалось, ко всему прочему, что предок владел еще и легендарным искусством застольной беседы. Он поднимал бокалы, произносил цветистые речи, смысл которых в общем-то ускользал от космонавтов, но говорилось в них нечто лестное каждому из гостей в отдельности и всем вместе. Попутно Новиков пророчествовал и изрекал заклинания. Звучало это таинственно и увлекательно и восходило прямо к временам Византии. Люди двадцать третьего века, тем более космонавты, к гастрономическим вопросам относятся достаточно сдержанно. Но под массивным давлением Новикова, которое подкреплялось голодом, зрительно-обонятельными эффектами и обычным любопытством, наелись так, как не ели, может быть, никогда в жизни. Утомленные, осоловевшие от сытости и тепла, звездоплватели уже начали терять нить реальности. А Новиков был бодр и свеж. Только раскраснелся слегка и говорил еще громче.

– Ребята, бросьте грустить... Все понимаю, конечно, но что сделаешь? Я же говорю – вечная память! А разве у вас не умирают больше? И вы не представляете, что чувствуют люди, когда после боя взводом приходится пить водку, отпущенную на батальон! Я тоже не представляю. И не дай нам бог...

– Скажи, Андрей, – нетвердым голосом перебил его штурман, мучающийся неразрешимой загадкой. – Как это может быть – пробой в прошлое? В будущее – это ясно, а в прошлое? Теория не допускает...

Новиков вдруг напрягся. Посмотрел на Герарда очень внимательно, перевел глаза на Корнеева, на Альбу.

– Не допускает, говорите? Да, интересно получается... Ну ладно, о теориях завтра поговорим. Сейчас давайте вернемся к этим... Равенон а но мутон¹, короче. Как вы там все-таки живете, в светлом будущем? У вас, конечно, полный коммунизм, единое человечество и все прочее, о чем мы мечтали и за что боремся?

Корнеев начал излагать, как можно более популярно, основы политического, экономического и социального устройства земных федераций, конфедераций и союзов, а Альба отошла к окну, взяла с полки толстый том репродукций совершенно ей незнакомых художников: Сомова, Бакста, Бенуа... А их картины оказались великолепными. Наверное, и все остальное у них так – чудесный, сказочный мир за завесой времени...

Искоса она посматривала вправо, где Новиков, навалившись грудью на край стола и жестикулируя рукой с зажатой в ней дымящейся трубкой, горячо доказывал что-то Корнееву. Девушка поражалась, насколько легко и быстро адаптировался к их обществу Новиков, что ни говори – человек все-таки примитивный. Нет, космонавты изучали историю, знали, что было сделано людьми двадцатого века для человечества, представляли огромность их исторического подвига. Но это все разумом. А душой, эмоциями люди двадцатого века все же ощущались Альбе далекими, непохожими на людей освобожденного мира, малознающими, обиженными судьбой. Предки жили и умирали в болезнях, скудости, темноте. Мир их был жесток и кровав, и, соответственно, люди такого мира не могли не быть грубыми, пусть по необходимости – но жестокими и, конечно, с болезненно деформированными чувствами. Альба, например, не представляла, как человек, пусть и признанный героем на самой справедливой из войн, собственноручно уничтоживший не то двести, не то триста врагов, мог оставаться нормальным, спокойным, не утратившим обычных человеческих черт человеком...

И ничего странного в таких ее мыслях не было. Что могла почерпнуть она из учебников, обычная девочка, потом, девушка двадцать третьего века, никогда специально не изучавшая социопсихологии? История двадцатого века в популярном изложении умещается на двух видеокристаллах, это шесть часов текста с хроникой. Что можно понять из этих часов, разбитых на десятиминутные уроки, о внутреннем мире живших тогда людей, об их чувствах, радостях, побуждениях, делах и заботах?

¹ Вернемся к нашим баранам...

Конечно, есть литература тех лет, сохранились подлинные фильмы, видеозаписи. Но кто их смотрит и читает, кроме специалистов? Сокровища духа былых времен для большинства потомков – только имена гениев, два-три афоризма, десяток цитат...

Многим доводится пожалеть своих предшественников – несчастные, как им не повезло, что не дожили до нашего, самого лучшего из времен... Но жили и тогда люди, и, пожалуй, не хуже нашего, а если чего не имели из нынешних благ, так и не нужно это им было, и может, с большим основанием – им бы нас пожалеть?

...Новиков никак не соответствовал сложившемуся у Альбы стереотипу. Веселый, энергичный, подвижный, лишенный каких бы то ни было комплексов, и архаические слова звучат у него совсем иначе, чем на страницах древних книг. Оказался он крепок, подтянут, мускулист; совсем не похоже, что мучают его тысячи болезней и подстерегает неминуемая ранняя смерть.

Ему, очевидно, надоело сидеть, он встал из-за стола и начал, не прекращая разговора, ходить между окном и камином. При каждом шаге его хлопал по бедру массивный кожаный футляр.

– А что вот это, Андрей? – спросила Альба, когда он поравнялся с нею в очередной раз.

– Это? – Новиков вновь внимательно посмотрел ей в глаза, как давеча, после вопроса Герарда. Лицо у него вдруг стало неприятное. Отстегнув ремешок, перехлестывавший крышку футляра, он вытащил и показал ей тусклый блестящий пистолет с длинным стволом и изогнутой деревянной рукояткой.

– Прошу. «Борхарт-Люгер 08». Огнестрельный механизм на предмет самообороны в период межгосударственных конфликтов и классовых битв, годится, разумеется, и в других ситуациях. Если останетесь здесь, придется научиться пользоваться.

– А что, есть необходимость? – спросил Корнеев.

– Стал бы я его таскать, – дернул щекой Новиков. – А у вас какое оружие?

– Сейчас – никакого. А вообще, конечно, имеется, только на других принципах...

– А этот чем плох? Ну ладно, об этом тоже еще успеем...

Новиков спрятал пистолет и вновь стал веселым и добродушным. Впрочем, разговор затухал.

Корнеев тоже подошел к окну. Садящееся солнце окрасило ледяные узоры в нежно-матовый цвет. От стекла тянуло холодом.

Страшно все же. Сейчас он уже сдал бы свою вахту, посмотрел гипнофильм или почитал бы и ушел в сон на свои сорок суток. А где он сейчас? Голова плавно кружилась, в ушах слегка шумело. Словно поднес к уху большую раковину. Новиков подошел неслышно, стал рядом.

– Вы, я вижу, постарше других и покрепче, – совсем новым, негромким и сочувственным голосом сказал он. – Я все понимаю, но так сейчас надо. Не считайте меня бесчувственным болваном. Мы просто знаем толк в соответствующих ситуациях. Вы сколько лет живете?

– Я? Пятьдесят пять...

– Нет, не вы лично. Вообще люди.

– Кому как повезет. А в среднем лет сто пятьдесят – сто восемьдесят.

– Да... А мы – семьдесят. Ну, чуть бывает больше. А то и это не дотягиваем.

– Я знаю. И еще у вас войны.

– Это тоже есть. Так что с траурными моментами почаще вас сталкиваемся.

Помолчали еще. Новиков хрипел трубкой, деликатно пускал дым в сторону.

– Но все же – откуда вы здесь? Ведь в наше время, в двадцатом веке, к звездам не летали...

Новиков усмехнулся.

– Вы знаете, как далеко мы сейчас от Земли?

– Знаю. Больше тридцати парсек.

Новиков кивнул и отвернулся. Засмотрелся на Альбу, которая увлеченно занималась книгами. Брала их в руки, перелистывала, вдыхая ни с чем не сравнимый запах старой бумаги

и переплетов. Через эти пакеты печатных листов прошлое удивительным образом смыкалось в ее руках с настоящим, тем более что на полках стояли книги не только двадцатого, а и девятнадцатого, даже восемнадцатого века.

– Знаете, давайте обо всем – завтра, – как бы даже просительно сказал Новиков, отрывая взгляд от девушки... – А сейчас я предлагаю – в баню. Очень способствует. – Он уже не в первый раз употребил это бессмысленное, но какое-то очень многозначительное выражение. – Кстати, вы знаете, что такое настоящая русская баня без всяких новомодных тенденций?

– Я знаю, – сказал Герард. – Это гигиенический ритуал, основанный на древнескандинавских философских и религиозных воззрениях. Имеет отношение также к культам богов огня и воды...

– Здорово! – восхитился Новиков и посмотрел на Корнеева, словно приглашая его принять участие в веселом розыгрыше. – Только, по-моему, ваша формулировка страдает излишним академизмом, что ли... Похоже, на практике вы с этим ритуалом не сталкивались. Странно. А он есть альфа и омега российской культуры, никак не скандинавской. Впрочем, если вы имеете в виду финскую баню, так называемую сауну... Хотя и она – не более чем заимствование русской же идеи.

Они прошли через холл, еще через несколько комнат, тоже наполненных приметам чужой, незнакомой и непонятной жизни, потом Андрей вел их длинным коридором с голыми бревенчатыми стенами, и наконец они очутились в обширном помещении, которое все светилось нежным медовым светом полированного дерева. Вдоль стен стояли дощатые скамьи, а пол покрывали сплетенные из растительных волокон толстые желтые циновки. Пахло сухим деревом и какими-то травами, пучки которых в изобилии были развешаны под потолком.

Новиков выложил на лавки мохнатые белые простыни и цветные полотенца, сказал, что здесь можно раздеться, и исчез. Вернулся он в довольно странном наряде, состоящем из холщового фартука, рукавиц и глубокой войлочной шапки. Космонавты к этому времени разделись. Альбе показалось, что, взглянув на нее один раз, Новиков в дальнейшем старательно отводил глаза, но причина оставалась для нее непонятной.

– Функция у меня специальная, – пояснил Андрей, имея в виду свое одеяние, – а всякая функция требует соответствующей формы. – И открыл с приглашающим жестом очередную дверь.

Там в полутьме падали на пол и стены багровые блики из открытой топки массивной каменной печи. Во вмурованном в печку котле бурлил кипяток, у дальней стены стояли огромные приземистые бочки с холодной водой, а за ними снова была дверь, из которой, как только она открылась, пахнуло невыносимым зноем.

Функции свои Новиков выполнял настолько добросовестно, прогнал гостей через такие круги рая, что через полчаса, распаренные, промассированные, натертые лычковыми мочалками, они почти без сил выбрались в прохладные сени и, завернувшись в простыни, почти растеклись в плетеных креслах перед столом, на котором пытел и посвистывал средневековый прибор, именуемый самоваром. На начищенных до красного сияния боках этого чуда просматривалась гордая надпись «Поставщикъ двора Е. И. В. Сукинъ и сыновья. Фирма существуетъ съ 1859 года».

Пили огненный чай, с наслаждением утирали обильный пот, расслабленные и умиротворенные.

Дав звездоплвателям отдохнуть минут двадцать, Новиков вновь погнал гостей в раскаленный объем парной. И вот тут они поняли, что все предыдущее было лишь увертюрой банной симфонии. Впрочем, вначале Андрей усыпил их бдительность, лишь слегка помахав веником в отдалении, потом поколдовал над дубовым ковшом с водой, добавляя туда какие-то снадобья, и вдруг с размаху выплеснул его содержимое в глубокую нишу в стене.

Со страшным гулом и свистом оттуда ударил столб пара, горячего, как дейтериевая плазма, и пахнувшего свежим хлебом, сосновой хвоей, мятой и еще неведомо чем. Жара стала абсолютно нестерпимой, и космонавты инстинктивно почти распластались на полу, с трудом подавив желание выскочить вон.

– Ну, земляки, вот оно как по-настоящему деется!

Новиков взлетел на верхнюю полку и начал сперва чуть оглаживать себя веником, а потом все сильнее избивать тело этим варварским орудием пытки. Когда на него стало страшно смотреть, он отшвырнул веник, распахнул совсем уже маленькую и неприметную дверку – за ней внезапно открылся заснеженный двор, выскочил наружу и начал кататься в огромных сугробах, загребая снег охалками и растирая пылающее тело. Когда он вернулся, лицо его выражало непередаваемое блаженство.

– А ну, кто еще со мной! – и снова взмахнул веником...

– Нет, это, конечно, изумительно, – говорила Альба, когда все кончилось. – Я чувствую себя совершенно обновленной. Такое впечатление, что до этого я вообще никогда не мылась...

Новиков сидел напротив, перебирая струны гитары, и негромким приятным баритоном пел соответствующую случаю, ритуальную, по всем признакам, песню:

Истопи ты мне баньку по-белому,
Я от белого света отвык...

– Ну, понравилась вам встреча с прошлым? – спросил он, заглушив ладонью гул струн, и у Альбы, да, может, и не у нее одной метнулась вдруг в душе нелепая, но отчаянная надежда, что сейчас все кончится и Новиков объявит, что они были участниками нового туристического аттракциона с таким вот названием.

– Каждое время имеет свои преимущества, – осторожно ответил Герард.

– А мне понравилось без всяких оговорок. Как у вас тут все... Естественно. И пища, и запахи, и обычаи. Все. Я давно мечтала пожить как-то похоже. Один раз отдыхала в Канаде, но там все равно не так. А здесь все подлинное. Вы, наверное, были очень интересные и... сильные люди.

– Наверное, – улыбнулся Новиков. Все рассмеялись. Действительно, он сидел от них на расстоянии вытянутой руки, и его атлетическая фигура в буграх и жгутах мощных мышц была налицо. И Корнеев и Айер ему намного уступали.

Новиков поставил перед каждым по чарке какой-то спиртовой настойки ароматических трав, сославшись при этом на авторитет великого русского полководца эпохи позднего феодализма, якобы говорившего: «После бани портки продай, а чарку выпей».

– Я вот что хочу, чтоб вы поняли, – медленно сказал он. – Вы начинайте постепенно перенастраиваться. Это ведь не экзотика и не экскурсия в заповедник. Скорее всего вам теперь в этом времени жить. Обратной дороги, по-моему, нет.

Все затихли, осмысливая его слова. До них постепенно доходила и эта истина. Они не только потеряли корабль и друзей, но и свое время. Навсегда.

– Но ничего, вы не отчаивайтесь. Вам себя жалко, и друзей, и родных... Понимаю. Как тут поможешь? Сочувствием? Вот послушайте лучше:

Он начал читать негромко:

Нас не нужно жалеть, ведь и мы б никого не жалели,
Мы пред нашим комбатом, как пред господом богом, чисты.
На живых порыжели от грязи и крови шинели,
На могилах у мертвых расцвели голубые цветы...

Новиков долго читал эту балладу, дошедшую к ним через горы времени, триста лет, что отделяли их от автора стихов, были больше, чем раньше тысячелетия, но все равно, за незнакомыми и вышедшими из употребления оборотами речи они чувствовали душу и настроение неведомого поэта, который грубыми и даже циничными, с их точки зрения, выражениями утверждал бесспорную истину, что нет ничего выше исполнения долга и что павшие в бою в сочувствии не нуждаются.

...Это наша судьба, это с ней мы сражались и пели.
Умирали и рвали над Бугом мосты.
Нас не нужно жалеть, ведь и мы б никого не жалели.
Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты.

– Какие слова, – со слезами на глазах сказала Альба, когда Новиков замолчал. – А мы ничего этого не помним...

– Да и странно было бы, если б помнили. Библию прочитывать не приходилось? – спросил Андрей.

– Нет.

– Так там написано: довлеет дневи злоба его. Или, если изложить доступнее, – каждому хватит своих забот. Много ли я, к слову сказать, помню и понимаю из времен Бориса Годунова? А у нас с вами как раз такой разнос получается. И о чем там пели или разговаривали ратники Минина?

Все помолчали, и слышно было, как за окном набирает силу ветер, гудит в дымоходах и бросает в стекла пригоршни жесткого, как песок, снега.

– Скажите, – нарушил молчание Корнеев, – как это сочетается – космическая эра, вы ведь уже далеко выходили в космос в конце века, и такая примитивность быта?

– А вы что, воспринимаете наш век блоком? Как одно целое? Какой двадцатый век вы себе представляете? Он ведь, ох какой длинный. Начался сорокасекундным полетом братьев Райт, а через шестьдесят шесть лет люди уже высадились на Луне. Более противоречивого века, по-моему, не было в истории. Триллионы тратили на вооружение, никому в принципе так и не пригодившееся, а две трети населения Земли ни разу в жизни не ели досыта. Я сам видел людей, которые не вышли из каменного века, а другие люди в это время создавали гениальные произведения искусства, делали сверхминиатюрные компьютеры и газовые душегубки, десяткам умирающих пересаживали сердца, а миллионам здоровых сбрасывали на голову бомбы и напалм... Это вам, наверное, тоже предстоит увидеть и жить на такой вот забавной планете. А то оставайтесь здесь, на Валгалле. Хорошо, спокойно и ноль проблем. Впрочем, это еще как сказать... – И он непроизвольно вновь покосился на кобуру своего пистолета, небрежно брошенную на лавку.

– Андрей, – ответил ему Корнеев. – Может быть, достаточно гонять нас по кругу ваших антиномий? Мы не такие уж инфантильные существа, какими вы нас пытаетесь изобразить нам же. Или вы соскучились по слушателям? Не перегружайте нас проблемами вашего мира. Возможно, это будет и наш мир, но не спешите. Мы сами во всем разберемся...

– Ну, воля ваша. Тогда послушайте еще стихи.

Было уже довольно поздно, когда Новиков наконец развел гостей по комнатам. Корнеева и Айера он разместил внизу, Альбе же досталась маленькая комната на втором этаже, где только и было места, что для широкой деревянной кровати, столика, шкафа и подвесных полок для книг.

Она погрузилась в постель, набитую сухой, тревожно пахнущей травой. На столе дрожал и раскачивался огонек свечи, в маленькое окно ветер с тихим шорохом по-прежнему бросал горсти жесткого снега.

Постель чуть покачивалась под ней, слегка кружилась голова, и все это – пламя свечи, шум ветра и шорох снега, непривычные запахи, поскрипывание дерева где-то в недрах дома – вызывало в ней такое острое и щемящее чувство потерянности, жалости к самой себе, что она едва не разрыдалась и долго лежала без сна, глядя в низкий потолок с колеблющимися на нем тенями. Потом, чувствуя, что заснуть все равно не удастся, встала, надела то, что Новиков для нее приготовил, – синий шерстяной костюм с белыми полосами вдоль брюк, рукавов куртки и воротника и со свечой в руках вышла на лестницу.

Андрей с толстой книгой на коленях сидел перед пылающим камином и не сразу заметил ее появление. Потом вскинул голову, очевидно, ощутив взгляд, встал и чуть поклонился.

– А вы здорово уже вписались в реальность. Я сразу и не узнал, думал, кто из ребят вернулся... Что-нибудь не так?

– Нет, все в порядке. Но спать не могу. Можно я посижу с вами?

– Безусловно. Буду рад.

Он жестом предложил ей сесть.

Альба спускалась вниз, не совсем понимая зачем, даже не имея в виду, что застанет здесь Новикова, а вот увидела – и ей стало вдруг спокойно. Она еще не сумела этого осознать, но Новиков уже был ей не безразличен, словно древним женским инстинктом ее потянуло к самому сильному и надежному в этом опасном мире мужчине. Несмотря на то, что между ними бездна времени. Но, с другой стороны, между ней и героями, скажем, Шекспира вообще почти целое тысячелетие, а Гамлет во многом ближе и понятнее, чем люди с детства знакомые. Так что не в столетиях дело...

– О каких это вы ребятах сейчас сказали? Разве вы не один здесь? – спросила Альба.

– Ну что бы я тут делал один? Нас тут довольно много, когда четыре, а когда и все шесть... Отличные, между прочим, ребята. Знают, что делать по любую сторону от мушки... Завтра сами увидите.

Альба кивнула. Это сообщение было интересно, но ее сейчас не занимало.

– Как вы все же считаете, Андрей, сумеем мы освоиться в вашем мире? Мне не по себе...

– Я думаю – да. Вы уже начали осваиваться. Дальше пойдет легче.

– Нет. Пока я просто держусь. На том запасе сил, что остались... еще с корабля. Как нырять на дне. Да и вы человек, по-моему, не характерный. Чрезвычайно контактный. И психолог. С вами мне легко. А как будет с другими?

– И с другими сможете. Я от них мало чем отличаюсь. Может быть, даже в худшую сторону. Да и вообще человек – существо универсальное, приспособится к чему угодно. А наше время не самое худшее из времен. В раннем, скажем, Средневековье я бы вам не позавидовал.

Что-то с ней произошло совсем для нее незаметно, как-то изменился мир вокруг, важное стало неважным, и наоборот. От того, что они говорили наедине?

Разговор мужчин – это разговор мужчин. Он может быть умным, деловым, доверительным – и ничего не решать. А легкое, ни к чему вроде бы не обязывающее общение мужчины с женщиной приводит подчас к серьезным последствиям.

Андрей встал, вышел из круга света, отбрасываемого камином и лампой на химическом топливе, и как бы растаял во мраке. Как сильно отличается помещение, залитое ровным однотонным светом, от такого вот, когда свет – свет, а тьма – тьма, и дрожащие световые блики раздвигают на мгновение завесу темноты, но она все равно не исчезает, присутствует на расстоянии вытянутой руки. Словно как символ жизни – ты здесь, вокруг светло и тепло, а рядом – постоянные холод и мрак.

Новиков появился из мрака, катя перед собой столик на колесах со стоящим на нем сложным агрегатом, исходящим душистым кофейным паром. Тут же имели место черная пузатая бутылка, крошечные серебряные рюмки и фарфоровые чашки, сахарница, другая бутылка – с пузырящейся минеральной водой и нарезанный лимон на тарелочке.

– У вас прием алкоголя сопровождается каждый поступок? – спросила Альба, поняв французскую надпись на этикетке.

– Не каждый. И не поступок. А некоторые моменты жизни. Днем я спасал вас от нервного срыва, мне нужно было разморозить вас, заставить сбросить напряжение. По-моему, получилось. Сейчас – другое. Есть такой термин – гедонизм. Не вдаваясь в философские тонкости, это умение извлекать из жизни наиболее изысканные и приятные детали. Как изюм из булки. Особенно это приятно, когда все время ходишь по краю и не знаешь, что с тобой будет завтра, а может, и сегодня. И в эту острую ситуацию ты привносишь еще некий штрих, неуловимый для непосвященного, но бесценный для знатока. Да вот попробуй – глоток кофе, совсем маленький глоток коньяка и долька лимона. Потом все это можно запить боржомом. Да, к слову. Слышала ты когда-нибудь про Романова Николая Александровича? Пустой был человек. Работал последним русским императором. И вспоминать бы его не стоило, а вот поди ж ты – оказалась в нем такая артистичность мышления, именно он придумал закусывать коньяк лимоном. Чем и прославился...

Альба послушно попробовала, потом, оставив рюмку, стала пить просто кофе.

– Ответь мне, Андрей, – они незаметно перешли на «ты», как это и было принято в двадцать третьем веке в большинстве случаев. – Я говорю сейчас с тобой, понимаю твой язык и чувствую, что не понимаю в тебе ничего. Я не могу даже приблизительно представить, что ты скажешь и что сделаешь в следующее мгновение. А ведь именно это означает – понимать человека. Или у вас не так? Мне сейчас не важно почти все – что случилось с нами, откуда здесь вы, что будет дальше... Я хочу одного – разобраться в вас. Скажи, что вы за люди, там, на своей Земле и в своем веке? Пойму ли я вас? Хоть кого-нибудь?

Новиков довольно долго молчал, глядя на Альбу каким-то оценивающим взглядом.

– Пока что я тебя не совсем понимаю. Сегодня ты уже не раз возвращаешься к этой теме. Понимание. Что такое – понимание? Твоя формулировка похожа на правду, но она касается лишь одной стороны проблемы. Тебе пока непонятно наше время, удивляют какие-то реалии образа жизни, непривычна моя манера разговора... Можно не сразу разобраться в тонкостях политики и экономики. А сами люди... Люди всегда одинаковы. Понимаем ли мы плач Гильгамеша, диалоги Сократа, стихи Басе и Хайяма? Вот и мы тоже. Люди как люди. Не лучше и не хуже тех, что жили до нас и после нас. Со своими недостатками, проблемами, мечтами и страданиями. Если бы я знал, какие вы, я мог бы сравнить. А я вас не знаю, но мы с тобой разговариваем сейчас и понимаем друг друга. Наверное, мы грубее вас, наверняка – жестче во многих случаях. Найдешь ты в нас и цинизм, и эмоциональную ограниченность, и нехватку культуры. Есть фанатизм и беспринципность. Но все же в основном мы стремимся к добру. К счастью для всех людей, сколько их есть, хоть и звучит это, на мой слух, высокопарно. И во имя этого готовы на непредставимую, наверное, для вас жестокость. Но и на самопожертвование тоже. Но это, конечно, все-таки – слова, слова, слова... Слишком их много говорили. Кто угодно и по любому поводу. Ничего я тебе не объясню, пока ты не поживешь с нами, не почувствуешь, как свои, наши заботы и радости. Один поэт у нас лет двадцать назад написал «Письмо в ХХХ век». Есть там слова: «Как понять вам, что такое, когда закипает вода в пулемете?»... Очень, кстати, емкий образ. Ну, ты на семь веков к нам ближе, и понять это тебе будет легче. Я тебя скоро с одной молодой дамой познакомлю, очень вам интересно побеседовать будет... – и чему-то вдруг улыбнулся.

Альба, к собственному удивлению, очень хорошо начала понимать язык и речь Новикова, может быть, не столько даже по смыслу, как эмоционально. Ей больше не мешала его

чудовищная небрежность синтаксиса, манера обрывать фразы в самых неожиданных местах, заменять осмысленные обороты иносказаниями и идиомами, пристрастие к жаргонным словечкам. Ей даже стал нравиться этот энергичный и раскованный стиль. Она, по молодости, еще не понимала, в чем тут дело.

Но уловила во взгляде Новикова легкую грусть и словно бы снисходительное сожаление. Как будто он действительно был старше ее на триста лет.

– Скажи, Альба, а пришельцы со звезд вам когда-нибудь встречались?

Она удивилась этому вопросу, так выпадавшему из строя их беседы.

– Нет. Сколько мы летаем, а миров с разумной жизнью не обнаружили. А почему ты спросил именно об этом?

– Да так. Чего-то, похоже, я не понимаю. Или мир еще более сложен, чем нам кажется...

Его слова прозвучали так, будто и о мире он знает гораздо больше ее. Хотя такое предположение выглядело бы более чем абсурдно. Но она не удивилась. Была в этом просто еще одна тайна.

– Объясни мне, Андрей, как же все-таки вы оказались здесь раньше нас и почему нам неизвестно о межзвездных путешествиях в двадцатом веке?

– Меня это как раз и занимает... Почему вам неизвестно. Есть одно предположение, лежит на поверхности, но настолько оно неприятно, что и думать об этом варианте не хочется. Второй вариант лучше, но не намного. Вот завтра появится здесь еще один товарищ, тогда рассмотрим мы эту проблему квалифицированно. А как мы оказались здесь... – Он вновь набил трубку волокнистым табаком из жестяной банки, отпил глоток кофе. – История эта достаточно длинная и запутанная. Сразу не расскажешь. Но, похоже, главную роль сыграл тут один мой знакомый. Молодой человек, который слишком предупредителен по отношению к красивым женщинам и ни в чем не может им отказать. Даже в том случае, когда их желания выглядят по меньшей мере странно...

Глава 1

Сентиментальный сюжет с вариациями

...Когда мне не работается – а в тот день был именно такой случай, – я обычно беру свой «Салют», заряженный цветной пленкой, и иду в город. Хожу по улицам, иногда снимаю кое-что, а в основном просто смотрю по сторонам. «Изучаю жизнь». Всего два слова, но они подводят под мое безделье мощную теоретическую базу, и совесть успокаивается.

В таких многочасовых, без всякой цели и плана прогулках иногда возникает пронзительное ощущение, что вот-вот произойдет нечто для меня очень важное или даже происходит уже, но не здесь, а в другом месте, может быть, за ближайшим углом. Я охотно поддаюсь этой иллюзии и начинаю кружить по улицам, беспорядочно меняя маршрут, напряженно всматриваясь и вслушиваясь, чтобы не пропустить, выражаясь высоким слогом, знака судьбы.

Но в этот раз никакие предчувствия меня не посещали – это точно, и не пели для меня незримые трубы.

Просто когда я спускался вниз по Кузнецкому Мосту, шурясь от летящей в глаза влажной мороси, из туманной мглы вдруг возникло женское лицо, возникло, как из коричневатой мути проявителя выплывает контрастное и сочное изображение, более реальное, чем сама реальность.

Я даже не сумел как следует рассмотреть это лицо, а тем более понять, что заставило меня его увидеть, выделить мгновенно из спешащей навстречу многотысячной безликой толпы, задержать шаг, обернуться вслед.

Но она уже слилась с общей массой, вновь растворилась в тумане.

Лет десять-пятнадцать назад я, наверное, попытался бы догнать ее, заговорить, просто рассмотреть поближе, но сейчас такие вещи делать уже не принято. Тем более – среди моих ровесников.

Если бы через два примерно часа я не увидел эту женщину снова. На углу Арбата и Староконюшенного переулка, напротив Вахтанговского театра. Без всякой связи с предыдущим я зацепился взглядом за высокую и тонкую фигуру, словно нарисованную смелым и быстрым мазком.

Она стояла – руки в карманах длинного кожаного пальто – и, чуть закинув голову, рассматривала что-то на фасаде углового дома. Я почти поравнялся с ней, женщина медленно повернулась, и я понял, что это – она и что не заметить и не запомнить ее даже среди миллионов было нельзя. Такое врежется в память, как пуля в дерево – глубоко и навсегда.

Черты слишком правильные, чтобы быть обычными на наших улицах, взгляд удлинённых, тревожных глаз из-под полей шляпы, резко очерченные, чуть приоткрытые губы. И еще что-то, чего не передашь словами. Она выглядела лет на двадцать пять, если бы не этот взгляд, не выражение лица. Сердце мое пропустило такт, я уже почти готов был подойти к ней, заговорить о чем угодно, как умел в свое время, но тут она скользнула по мне совершенно безразличными, даже невидящими глазами, и это был словно отстраняющий жест. И я вновь прошел мимо.

На секунду мне стало очень грустно, что она ждет не меня и что, пожалуй, мой поезд вообще ушел: никогда больше меня не будут ждать такие вот загадочные красавицы; но сразу же эта жалость к себе стерлась ощущением неоформленной пока тревоги. Таежный, скажем, житель по неуловимым приметам, по малейшим изменениям привычной обстановки может почувствовать приближение опасности. Так и я, выросший в каменных лабиринтах необъятного города, полжизни пытающийся выразить его душу на холсте и бумаге, сразу уловил – кожей, подсознанием – какое-то нарушение привычной среды, законов, действующих в этом

городе. Один из этих законов гласит, что дважды случайно встретиться в Москве нельзя, практически невозможно. Этот закон не распространяется только на специфические социальные группы: соседей, сослуживцев и приезжих, разыскивающих в магазинах самоклеящуюся пленку «под дерево». Ни к одной из этих групп нас с незнакомкой отнести было нельзя. Но уровня тревоги не хватило до критической массы, и через определенное число шагов я вновь забыл о прекрасной даме и тем самым получил еще несколько безмятежных часов. Как оказалось потом – последних в моей нынешней жизни.

Уходившись по улицам до чугунной тяжести в ногах, сделав десяток снимков для возможного «осеннего цикла», решив еще кое-какие дела, я возвращался домой.

К вечеру разъяснилось, мелкий пылевидный дождь прекратился, но зато поднялся холодный пронзительный ветер. Мокрые деревья Тверского бульвара размахивали голыми черными ветками на фоне лимонно-багровой полосы закатного неба, выше которой громоздились рыхлые сине-черные тучи. Прекрасный и тревожный закат, от него делалось холодно и тоскливо на сердце, в то же время и глаз не оторвать. Хотя рисовать бы я его не стал, на холсте он покажется безвкусным, нарочитым.

Я шел от Никитских ворот, бульвар был пуст, словно крепнувший ветер выдул с него вместе с туманом и случайных прохожих. И когда в далекой перспективе возникла одинокая черная фигура, я понял, что это опять она, понял раньше, чем смог ее рассмотреть, и вновь ощутил острое чувство опасности и тревоги. Но не удивился. Слово весь день готовился к этой третьей встрече. Невозможной, как выигрыш прижизненного издания Гомера по книжной лотерее, и в то же время неизбежной.

Если даже предположить, что незнакомка сама ищет встречи со мной, как она могла знать, что я буду проходить именно здесь и сейчас? Я ведь этого сам не знал пять минут назад, мой путь был вполне произвольным, и я мог свернуть в любой переулок, по которому к дому гораздо ближе. И она ведь не за мной шла, она и сейчас, и раньше шла мне навстречу...

Все это я успел подумать, пока мы сближались.

Женщина шла не спеша, поднятый воротник пальто слегка спасал ее от ветра. В черной гамме ее одежды выделялось единственное яркое пятно – бело-сине-красный шарф на шее. Она шла, опустив голову, словно погруженная в свои мысли, и было в нашем неторопливом сближении нечто от Кафки или же от Антониони – не знаю.

Я невольно все замедлял и замедлял шаг, зачем-то вытащил отсыревшую пачку сигарет, стал прикуривать, заслоняя зажигалку от ветра ладонями и искоса, словно персонаж шпионского фильма, осматриваясь. Наверное, со стороны, если б кому оценить, выглядел я смешно. Почувствовав это, я словно стряхнул с себя детективно-мистическую паутину. Все снова стало реальным. Сумеречный свет, пустынный бульвар, одинокая женщина в черном, ветер, отражения в мокром асфальте...

До предполагаемой точки нашей встречи оставалось метров двадцать, и тут она резко свернула влево, пересекла бульвар и, не взглянув в мою сторону и не обернувшись, вошла в двери художественного салона на углу.

Признаться, давно я не чувствовал себя так глупо...

Но в салон-то я зайти имею право в любом случае, тем более что здесь выставлена на продажу одна моя работа и я, может быть, давно намеревался узнать, как она...

Женщина стояла возле моей акварели, и я услышал, как она спрашивает у завсекцией:

– А нет ли у вас других работ этого автора?

– Отчего же нет, – сказал я, подходя. – А что именно вас интересует?

В каком-то метре от себя я увидел ее глаза, уловил запах совершенно мне незнакомых духов, и, хоть голова у меня слегка закружилась, я за короткие мгновения прочел в бездонно фиолетовых глазах, что она меня великолепно знает, но согласна принять мои условия игры.

И несколько минут мы с ней говорили так, будто она действительно приняла меня за товароведа или, допустим даже, директора. Выяснилось, что она неплохо для любителя разбирается в живописи, знает мои работы и, в частности, мечтала бы приобрести одну из ранних картин цикла «Московские дожди».

Не скрою, столь глубокое знание моих произведений польстило бы и безотносительно к внешним данным ценительницы, но сейчас я был деморализован и меня можно было брать голыми руками.

– Думаю, это можно будет устроить, – слегка поклонившись, сказал я. – Но придется совершить небольшую прогулку. До мастерской. Тут совсем рядом, – и назвал себя.

Она столь искренне удивилась и обрадовалась, что я мгновенно и почти окончательно забыл все свои сомнения и тревоги. Что там говорить о вероятностях? Не зря сказано: «Все будет так, как должно быть. Даже если будет иначе».

Некоторое время мы шли молча. Потом она спросила:

– Я вижу, что вы уже догадались?

– Простите, о чем? Разве о том, что наша встреча сегодня не случайна?

– Хотя бы. Это совсем не мало... Вы очень наблюдательны.

– Профессия такая.

– Да, конечно... Ваши работы мне очень нравятся, и я давно искала подходящего случая, чтобы познакомиться с вами. Сегодня этот случай представился.

Я вновь и несколько иначе посмотрел на нее. Увидел исхлестанное ветром лицо, подрагивающие от холода губы и представил, как она устала, если повторила весь мой сегодняшний маршрут. Пять часов на ногах, да еще на каблуках. У меня и то ноги как не свои, а ей каково? Да... И все это – из-за святой любви к моему творчеству? Лестно, куда как лестно... А я ведь далеко не Пикассо и не Модильяни, да и за теми, насколько я знаю, поклонницы по улицам не бегали. Среди художников и их ценителей это как-то не принято.

...Мы, наконец, пришли, поднялись по темной лестнице в мезонин донаполеоновского еще особняка, притаившегося позади многоэтажных домов на Пушкинской, где мне в свое время неким чудом удалось устроить мастерскую. Толстые каменные стены и сплошная дубовая дверь надежно отделили нас от внешнего мира с его непогодой и проблемами. Что интересно – полжизни я провожу на улицах, а уверенно и раскованно чувствую себя, только как следует от этих улиц отгородившись.

Я помог незнакомке, которую, по ее словам, звали Ириной Владимировной, снять пальто. Невероятно, но если бы пришла в голову идея изобразить идеальную в моем понимании женщину, я вряд ли придумал бы что-нибудь иное. Ефремову бы, Ивану Антоновичу, на нее полюбоваться – для подтверждения его теорий... С полчаса она знакомилась с моими работами, и живописными и фотографическими, а я в это время готовил кофе и легкий ужин и думал, что мне, кажется, наконец, повезло, и если я не буду дураком, то этот шанс не упущу.

Когда я вернулся, она сидела в кресле у камина. (Камин появился у меня не как дань моде – он был в этом доме всегда.)

– Посмотрели? – стараясь казаться светски небрежным, спросил я, разливая кофе.

– Да. И нашла то, что хотела... – Она показала на старый холст, где я когда-то изобразил перспективу Столешникова переулка, затянутого сеткой дождя.

– Вот эта пепельная гамма, ощущение печали и одиночества... Вы как-то выставляли ее в Манеже.

– Да, было... – Мне понравилось, что она уловила мое настроение. Значит, мы с ней похоже воспринимаем мир.

– Сколько это будет стоить?

– Ну, вообще-то я с рук не торгую, да и не положено это. Вот если вы согласитесь принять в подарок... При условии, что сегодня – не последняя наша встреча.

Она не стала отказываться, манерничать, а спокойно и серьезно посмотрела мне прямо в глаза – как там, в салоне.

– Что ж, это я, пожалуй, могу вам обещать. А кстати, что вы вообще обо мне сейчас думаете?

– Не хочу показаться банальным. Вам, наверное, и так говорят достаточно комплиментов...

Она смотрела на меня внимательно, понимающе и словно даже жалеючи. С таким выражением хорошо похоронки вручать.

– Вы наблюдательный, умный человек, с большой выдержкой, крепкими нервами...

Я сделал попытку встать и, поклонившись, звякнуть шпорами. Ирина остановила меня коротким жестом. В смысле, мол, – брось дурака валять.

– Но сможете ли вы спокойно выслушать то, что я сейчас скажу... – В ее тоне не было вопроса, она скорее размышляла вслух.

– Смогу, – сказал я, закуривая. Близких родственников, за которых можно было тревожиться, у меня нет, а лично меня испугать трудно. Я был готов к чему угодно, но, так сказать, в привычных рамках. В любви она сейчас объясняться явно не будет, следовательно... Она вполне могла представиться сотрудницей иностранного посольства, любой разведки мира, на худой конец – какой-нибудь мафии по делам искусства... Предложить мне подписать коллективный протест против чего угодно или наладить массовое производство «подлинников» Сальвадора Дали или Шишкина. До сих пор ко мне с такими предложениями как-то не обращались, но ведь могут и начать?!

– Даже если я скажу, что говорю с вами по поручению внеземной цивилизации?

«Ого! – подумал я. – Жаль. А с виду выглядишь вполне нормальной...» Но взятый ранее тон даже в этой ситуации обзывал, и я кивнул:

– Отчего же нет?

Я был разочарован, даже шокирован. Такой поворот сюжета не соответствовал ее облику. Даже сумасшедшие должны подчиняться определенным правилам. Так сказать, единству формы и содержания. А она – не соответствовала. Я знал ее единомышленников. Один все свободное время посвящал сбору фактов об НЛЮ, выступал с лекциями, мотался по конгрессам соответствующего уровня и агрессивно вербовал неофитов в общество покровительства пришельцам, другой, повредившись на индийской философии, с 21 до 23 часов ежедневно медитировал в Измайловском парке в целях приобщения к Шамбале. Но и тот и другой в моих глазах заведомо были жертвами чрезмерного распространения всеобщей грамотности, Ирина же такого впечатления никак не производила.

Впрочем, почему это должно меня волновать? Мало ли кто как с ума сходит? Если за знакомство с такой женщиной нужно прикинуться дураком – отчего бы и нет? Я уже понял, что готов согласиться даже на обращение в ислам, если потребуется.

По-моему, она испытала некоторое разочарование от моей покладистости, как человек, у которого слишком легко удался тщательно подготовленный розыгрыш.

– И вы так спокойно это воспринимаете?

– А вы ждали, что я в ужасе полезу под стол, начну творить крестное знамение или хотя бы закричу: «Нет! Никогда!» Что вас удивляет? Точка зрения Джордано Бруно у нас признана официально, сомневаться в ней только товарищу Шкловскому позволительно, для остальных же – как бы дурной тон. Обскурантизм как бы. Люди посерьезней меня симпозиумы устраивают по проблемам контакта. Тут другое смущает. Какая причина заставила уважаемых пришельцев уведомить меня о своем прибытии, да еще столь приятным способом? Надеюсь, вы занимаете достаточно высокое положение и уполномочены вести переговоры? Правда, я, к моему глубокому сожалению, к встрече не готов. Не облечен, а также незнаком с этикетом и протоколом...

Сказал я все это и испугался, что переиграл. Возьмет, обидится и уйдет. Кого попроще искать.

– Не надо, Алексей. Этот тон вам не к лицу. А причина есть, как ни странно. Я сама в свое время задавала этот вопрос. Можете себе представить: с точки зрения инопланетного разума, мы с вами – наиболее подходящие объекты для контакта и выполнения некой миссии...

– Как это для нас с вами ни лестно – не могу. Но допускаю.

– Странный вы, – вздохнула Ирина. – «Не могу, но допускаю». Надо же.

– А чего тут странного? Очень просто. Основания верить в свою исключительность среди пяти миллиардов землян у меня, при всем самоуважении, нет. Но если контакт все же должен осуществиться на индивидуальном уровне, то отчего бы не допустить, что субъектами, а равно объектами такового можем быть и мы с вами? Как и любой другой, произвольно выбранный индивид.

– Да... Логика у вас...

– Логика вполне простая. Но в обычной жизни люди предпочитают, вполне бессознательно, заменять логику эмоциями, стереотипами, так называемым здравым смыслом, и попытки кого-то к действительно логическому мышлению воспринимаются окружающими как странность и даже вызов. Стройные логические рассуждения любят также называть демагогией. Те, кто знает это слово. Но суть сейчас не в этом. Если я избран, то хотелось бы знать: чем же пришельцы руководствовались?

– Видите ли, в строгом смысле их нельзя назвать пришельцами. На Земле они физически не присутствуют.

– Да? А где же они? На орбитальном корабле? На базе в поясе астероидов? На комете Галлея?

– Нет. Тут совсем другое. В вашем понимании они... вообще не существуют.

«Так, хорошо, – подумал я. – По крайней мере, неординарно».

Поскольку я уже решил любым путем продолжить столь неожиданное и в высшей степени интригующее знакомство, мне оставалось только играть в ее игру и по ее правилам. А в них еще предстояло разобраться, не давая ей оснований усомниться в моей искренности и лояльности. Когда тебе под сорок, такими подарками судьбы не разбрасываются. Это в юности я мог на предложение нравившейся мне девушки пойти в кино ответить, что этот фильм я уже видел...

– Знаете, Ирина Владимировна, давайте так: вы мне все расскажете подробно, с самого начала, а то я не силен в теории. Как говорил Козьма Прутков: «Многие вещи нам непонятны не оттого, что наши понятия слабы, а оттого, что сии вещи не входят в круг наших понятий».

– Ну, если вы так считаете и располагаете достаточным временем...

– Неограниченным! – без тени лицемерия воскликнул я. Но про себя добавил: лишь бы не оказаться в положении супруга Шехеразады... А в глазах Ирины вдруг, как мне показалось, промелькнуло нечто очень похожее на плохо скрываемую иронию.

Я сейчас, разумеется, не в состоянии более или менее связно пересказать все, что она мне говорила этим долгим вечером. И потому, что заведомо настроился не принимать ее слова всерьез, и потому еще, что не с моим образованием все это можно было понять.

Пришельцы, от имени и по поручению которых говорила со мной Ирина, в природе действительно не существуют. Может быть, они будут существовать неизвестно где через непредставимое количество лет, если я оправдаю возлагаемые на меня надежды.

Как известно, наша Вселенная началась 10—20 миллионов лет назад или около того так называемым Большим взрывом, когда из некоей элементарной частицы возникло все остальное. А также и многое другое, чего даже самые светлые умы представить себе не могут. Закончит же свое существование указанная Вселенная через десять, по-моему, в 69-й степени лет превращением всех звезд и галактик в черные дыры с последующим их испарением. И вот когда во Вселенной вообще ничего не останется и ее самой тоже, тогда все и начнется сначала.

А поскольку очевидно (sic!), что время там, у финиша, поменяет знак, то развитие новой Вселенной происходит навстречу нам, и вот в этом все дело. Когда мне об этом говорила Ирина, я как-то лучше все понимал, сейчас же я опять путаюсь... В итоге идея встречных вселенных воплотилась для меня в образ киноплёнки, которую механик перематывает, когда фильм окончен.

На самом деле все выглядит несколько иначе. Ирина мне объяснила, что время – в широком смысле Время, а не то, что мы с вами под этим понимаем, – следует рассматривать в виде потока некоей субстанции, ну, допустим, чем-то напоминающей водяные потоки. И, как в горной реке, в нем масса струй, вихрей, водоворотов, заводей и омутов. И целая, в нашем понимании, вечность может оказаться лишь пузырьком в одной из воронок на перекате. А какая-нибудь метagalactica – щепкой в стремнине. Впечатляюще звучит, не так ли?

А теперь к этому следует добавить, что их время – такой же горный поток, мчащийся навстречу нашему.

И вот если все это представить и допустить, то остальное уже проще. Существовая в своем противоположном времени и иной Вселенной, развиваясь на сотни тысяч лет больше нашего, они – эти инопланетяне, а точнее – иновселенцы и иновременцы сугубо усовершенствовались в познании природы, проникли в тайны времени и научились почти свободно использовать его в практической жизни и деятельности, не хуже, чем наши, скажем, гидротехники ту же воду во всем ее многообразии. А может, даже и лучше. Эйнштейн, говорят, пытался создать теорию единого пространства – времени – тяготения. А они, по словам Ирины, пошли на много порядков дальше. И если бы я мог хоть как-то осмысленно или хотя бы научнообразно изложить то, что услышал, то имел шанс претендовать на Нобелевку, как минимум.

Проникнув в столь невообразимые тайны естества, наши гипотетические сапиенсы вдруг осознали, что на пути их безграничного прогресса камнем преткновения обнаружилась какая-то необозримо примитивная цивилизация. И даже не она сама как таковая, а некоторые из нее следствия. По расчетам их теоретиков, историческая мировая линия (?) нашей цивилизации таким образом взаимодействует с их мировой линией, что в некий момент неминуема «хроноаннигиляция», которая поставит точку на их прогрессе, развитии и самом существовании. И, естественно, на нашем тоже, хотя для них, как я понял, этот факт имеет сугубо побочный интерес.

Вот примерно такие вещи она мне изложила в виде преамбулы. Впрочем, из ее рассказа я сумел вычленил, наверное, столько же, сколько сумел бы передать своим приятелям из двухчасовой беседы о научных и социальных проблемах сегодняшнего мира какой-нибудь средний интеллигент-гуманитарий Киевской Руси XI века.

Следует признаться, что я не только, а может, и не столько вникал в тонкости теории, как пытался понять, отчего с ней приключился такой сдвиг по фазе, женщинам, как правило, несвойственный. Но более всего я эстетически наслаждался. Потому что прямо перед собой, в каких-нибудь двух метрах, видел ее ноги, немислимо изящные, прелесть которых она великолепно осознавала и безжалостно подчеркивала высоким разрезом юбки.

Как бы не замечая специфической направленности моего внимания, она продолжала излагать свою жуткую историю.

Единственный путь, который пришельцы нашли для спасения своего, а попутно и нашего мира, – искусственно искривить эти пресловутые мировые линии, как на железной дороге переводят стрелки, чтобы избежать столкновения встречных поездов.

– То есть, простите, – перебил я Ирину, – если я правильно улавливаю, они намерены вмешаться в нашу земную историю? – Меня, ей-богу, даже начал увлекать ход ее рассуждения.

– Да, совершенно верно. Вы быстро сообразили. Только самое главное в том, что сделать это можете именно и только вы, Алексей.

Это у нее хорошо получилось. Небрежно и вместе с тем категорично.

– Они в совершенстве изучили земную историю, философию и культуру, определили пути и способы поворота, но сами не могут произвести нужное воздействие.

– Эм-эн-вэ, – сказал я.

– Что?

– Да так, Азимова вспомнил. Минимально необходимое воздействие. Термин из романа «Конец вечности». Ситуация там похожая описана.

Она не читала, кажется, но кивнула. Помолчала, потом попросила сварить еще кофе. Меня эта просьба более чем устроила. Требовался тайм-аут хотя бы на пять минут.

Пока я помешивал сандаловой палочкой густую суспензию в турке, у меня появились кое-какие мысли, неясно только – уместные ли.

– Так вот, – продолжала Ирина, – они знают о нас все, но физически вмешиваться не могут. Нужна наша помощь.

– Странно... Зачем менять нашу историю? Она какая ни на есть, а привычная, родная. Пусть свою и меняют, – возразил я.

– Собственное время необратимо, – объяснила она, – их прошлое для них недоступно, а будущее неопределенно. Наше же прошлое – для них будущее, причем по другой координате, и они в состоянии переместить туда человека, где он и сделает то, что нужно. Они рассчитывают, что это сделаете вы.

– Все-таки я. Из миллиардов и миллиардов живущих и живших на Земле, каждый из которых, по вашим словам, для них равно доступен, – только я, и сейчас. Почему?

Я решил, как говорят шахматисты, обострить партию. И таким путем определить, до каких пределов это у нее зашло.

Она вздохнула:

– Ну, давайте снова обратимся к аналогии с поездами. Кто-то на одном поезде понял, что столкновение неизбежно. Но тормозов на этом поезде нет. По условию задачи. Остается одно – передавать сообщение о грядущей катастрофе по радио, надеясь, что некто, имеющий приемник, услышит сигнал тревоги, поверит в него, поймет, что нужно делать, затормозит свой состав, найдет и переведет стрелку... Считайте, что приемник оказался у меня. Но все остальное мне не под силу. Известно, что это можете сделать вы, но как мне вас убедить? А больше никто сигнал не принял. У кого-то приемника вообще нет, другой вместо аварийной волны слушает концерт по заявкам, третий просто не понимает язык, на котором ведется передача...

Спорить было просто не о чем. Или принимать ее вводную целиком, или отвергнуть. Как говорится, третьего не дано. Отвергать я не собирался изначально, но продолжать... У меня уже просто не было сил. Состояние мое напоминало такое, что бывает, когда целый день ходишь по достаточно большому музею. Вялость, отупение, безразличие...

Конечно, проще и приятнее всего было бы перевести наше слишком уж сложное общение в совсем иную плоскость. С любой другой женщиной я бы и не стал колебаться, ведь тот факт, что она здесь, уже сам по себе подразумевает все остальное. Но с Ириной так не получалось. Как говорят режиссеры, я просто не видел ее сейчас в этой роли.

И я впрямую ей намекнул, что на сегодня с меня хватит. Вопросов масса, но я не чувствую в себе достаточной ясности мысли, чтобы хотя бы грамотно их сформулировать, а не то чтобы принимать исторические решения. Надо отдохнуть. Она может остаться ночевать здесь, нимало не опасаясь за свою честь, либо, если таковое предложение чем-нибудь не удобно, я почту долгом сопроводить ее в любую точку города или далее...

Мой пассаж произвел на нее благоприятное впечатление, она даже улыбнулась, оценив тем тонкость моего обхождения.

– Спасибо, но я действительно лучше пойду домой.

Мы шли по пустынным улицам, в тумане неизвестно для кого оранжево светились высокие фонари, изредка с гудением, словно сторожевики в ночном море, проносились последние

троллейбусы. Мы шли и говорили так, как говорят недавно познакомившиеся и почувствовавшие взаимную симпатию люди – обо всем сразу, будто спеша сказать и услышать как можно больше, не зная, представится ли еще такая возможность.

Она несколько лет назад окончила филфак МГУ, занималась творчеством Уайльда, кое-что переводила, фантастикой никогда не увлекалась и даже не интересовалась, как и большинство здравомыслящих женщин, для души читала в основном толстые журналы, книг, за исключением нужных для работы, не коллекционировала. По средам ходила в бассейн, а по субботам – в конно-спортивный клуб. Иногда – театр, реже – консерватория. Приличный, но довольно стандартный стиль и образ жизни женщины ее типа и круга. Никак не соответствующий сегодняшней ситуации.

Как бы между прочим, я спросил, не будет ли у нее семейных осложнений по поводу нашей с ней поздней прогулки.

– Я третий год не замужем, – спокойно сказала она, и я, чтобы скрыть радость, смешанную с некоторым удивлением, деликатно ушел от этой темы. С давних времен меня поражало, что женщины и девушки, на мой взгляд, неотразимые отнюдь не всегда счастливы в личной жизни. Умом я это понимать научился, а вот эмоционально – нет.

Под аркой на Большой Переяславке мы простились, договорившись о завтрашней встрече, совсем как в безвременно ушедшей молодости, и я с трудом удержался, чтобы по тем же традициям не попытаться поцеловать ее на прощание.

Я шел обратно по еще уцелевшим старым переулкам мимо Ботанического сада, по проспекту Мира, Садовой, Цветному бульвару, Трубной, курил не знаю какую по счету сигарету, ловил губами капли мелкого дождя, не спеша приводил в порядок эмоции и мысли.

Разумеется, все это можно и нужно считать приятным приключением, подарком судьбы, сведшей меня если не с «девушкой моей мечты», то уж, во всяком случае, с женщиной, наиболее отвечающей самым строгим категориям внешней привлекательности. И если не заглядывать слишком далеко вперед, и всем другим критериям тоже. А изощренные космогонические построения следует считать ее сугубо личным делом. Я сам не чужд тому, чтобы в подходящей компании потешиться мыслью, и не поручусь, что все и всегда понимают меня правильно. Так что «не судите, да не судимы будете». И на этом можно было бы и прекратить прения, если бы...

Как и для чего она меня нашла? Как сумела три раза за день перехватить на никому не известном и непредсказуемом маршруте?

Ей что, больше в Москве и поговорить не с кем? Рационального объяснения этим вопросам я дать не мог. Иррациональные же объяснения меня устраивали еще меньше, ибо иррационального не приемлю в принципе. Хотя бы потому, что тогда исчезает всякая возможность действовать адекватно обстановке.

Зато все это еще более усиливало мой к Ирине интерес. Ну ладно, предположим, что рано или поздно все объяснится... И будем с нетерпением ждать завтрашнего дня и дальнейшего развития событий.

...Она уже ждала меня у Сретенских ворот, как раз в

тот час, когда люди с улиц вдруг, как по сигналу, исчезают все разом и в городе становится неожиданно просторно, только светят радужными огнями витрины да с шелестом пролетают машины, мелькая белыми и красными огнями. Еще десять лет назад такого явления не наблюдалось, и Москва, как любой крупный город мира, до глубокой ночи кипела людскими водоворотами, а по улице Горького и вообще было не протолкаться. А теперь только одинокие прохожие попадались нам навстречу. При виде вполне обычной пары могли ли они представить, что не просто мужчина и женщина идут рядом, а осуществляют контакт две цивилизации, нет – даже две вселенные.

Говорили мы с ней на этот раз о вещах практических. Я, в силу ограниченности своего воображения и излишней начитанности, представлял вмешательство в историю слишком драматически. Вплоть до физического устранения каких-то значительных личностей, экспорта техники и технологии, еще чего-то столь же конкретного и впечатляющего, вполне в духе лучших образцов нашей и зарубежной фантастики.

Ирина же меня одновременно разочаровывала и успокаивала. Наша история, говорила она, и наша цивилизация выглядят такими, как есть, оттого, что в силу неведомых причин в ограниченном регионе Земли, а именно в Европе, вдруг изменились стиль и способ человеческого мышления. Люди стали по-иному смотреть на мир, иначе оценивать связь явлений. Возникли европейская психология и философия, вызвавшие развитие науки в нашем понимании, прогресс, научно-техническую революцию и так далее. Нигде больше ничего иного не произошло. Ни в Индии, ни в Китае, ни на американском континенте самые гениальные открытия и озарения не стыковались, не воздействовали друг на друга, не подкреплялись хоть какой-то общей теорией. Те же китайцы сотни лет жгли порох в фейерверках, но так и не догадались засыпать его в подходящую трубу, вложить какой-нибудь снаряд, хоть камень, и поджечь с другого конца... Ну и так далее. Значит, без европейского поворота в способе мышления мир был бы совсем другой, на наш никаким образом не похожий. Все было бы другим – и культура, и уровень материального производства, и психология. Лучше это было бы или хуже – совсем другой вопрос. Все остальные народы жили по-своему тысячи лет и не испытывали потребности в чем-то ином. Кстати, для наших пришельцев сама концепция так называемой истории – вещь совершенно чуждая. Да и на Земле история, как цепь взаимосвязанных событий, определяемых объективными законами, тоже чисто европейское понятие, в других местах имели место совсем иные мнения на этот счет. Вот и у тех (тут Ирина махнула рукой куда-то вверх и в сторону) и логика совершенно иная, и взгляд на то, что важно и что нет в жизни разумных существ, и даже представление о том, что это такое вообще – событие. И какие из этого события последуют причинно-следственные связи... Мы, к примеру, думаем, что цель постройки электростанции – снабдить энергией промышленность и граждан, а с их точки зрения гораздо важнее, что в освещенном городе ночью не видны звезды, следовательно, мышление его обитателей будет совершенно иным, нежели при регулярном тех же звезд созерцании...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.